

“Не делайте резких движений, стойте у стены!” Охранник сделал предупреждение, доставая из-за спины наручники.

Когда парень, притворявшийся официантом, увидел, что Чжан Хэн задержан, он тихо спустился по лестнице с другой стороны.

Чжан Хэн сохранил спокойствие, он повернулся и обратился к Холмсу, находящемуся в ложе: “Что будет, если я убью охрану премьер-министра?”

Холмс, всё ещё тяжело дыша, ответил: “Это зависит от ситуации, но после этого вы не сможете долго оставаться в Лондоне”.

“В таком случае, я оставляю это на ваше усмотрение”. Сказав это, Чжан Хэн скользнул обратно в ложу, а затем выпрыгнул в окно на глазах у Холмса.

Когда охранники ворвались в ложу, Чжан Хэна уже и след простыл, только Холмс, его сообщник, все еще ошеломленный лежал на полу.

Чжан Хэн обладал навыком Скалолазания Lv. 1, он с легкостью спустился вниз по декорациям внешней стены театра. В тот момент, когда его ноги коснулись земли, парень, притворявшийся официантом, также выбежал из главных дверей театра, а увидев Чжан Хэна, тут же устремился в противоположном направлении.

Не теряя ни секунды, Чжан Хэн последовал за ним по пятам.

Вдвоем они пробежали друг за другом половину улицы. Ночью в Вест-Энде все еще было очень оживленно, на обочинах горели газовые фонари, по сравнению с Ист-Эндом, где ничего этого не было. Вест-Энд был словно другая страна, где на улицах все еще было много пешеходов и экипажей, в Лондоне 19 века уже была довольно бурная ночная жизнь.

Рестораны, театры, турецкие бани, клубы и многие магазины продолжали работать даже после захода солнца.

Парень, притворявшийся официантом, пробежал еще немного, и, наконец, нырнул в парикмахерскую.

Чжан Хэн последовал за ним, но, сделав всего несколько шагов, настороженно остановился, однако было уже поздно.

Он услышал позади себя звук закрываемой двери.

После этого несколько цирюльников в парикмахерской, которые до этого болтали и читали

газеты, одновременно встали со своих мест и схватили бритвы с парикмахерских столиков.

Чжан Хэн быстро подсчитал, что врагов было семь, правда среди них был один ученик, но главное, что у всех у них было оружие в руках, так что это не будет легкой схваткой, поэтому Чжан Хэн приготовился к ожесточенной битве. Он жестом попросил их подождать и снял с себя пиджак смокинга. Затем он быстро размял запястья и лодыжки, а затем дразнящим движением указательного пальца поманил ближайшего к нему толстого цирюльника.

В ответ все мужчины, находящиеся в парикмахерской, бросились вперед.

Не имея намерения быть вежливым сегодня вечером, Чжан Хэн ринулся им навстречу. Он выбрал своей целью самого худого на вид парнишку, вероятно, лет 10 или 15. Мгновенно увернувшись от его внезапного удара, он схватил парнишку за воротник и швырнул его через плечо в двух ближайших нападавших. В этот самый момент, когда Чжан Хэн сделал это, один из цирюльников напал на него сзади.

Чжан Хэн перекатился по полу, тем самым увернувшись от удара, но прежде, чем он смог подняться, за его спиной снова блеснула острая бритва. Его противники оказались крайне безжалостными в своих атаках. Чжан Хэн пришлось снова перекатиться по полу, в процессе чего ему удалось подобрать бритву, которую ранее выронил парнишка.

Уклонившись от первого удара, Чжан Хэн блокировал второй удар, ухватив нападавшего за руку, держащую бритву, отправив его головой в зеркало. В результате еще один нападавший был временно выведен из строя, но ценой этого стал порез на левой руке. Теперь два ранее заблокированных телом парнишки цирюльника снова бросились вперед.

Чжан Хэн был вынужден встать и опять продолжить бой, воспользовавшись кратким перерывом, он схватил со стола еще одну бритву. Теперь он мог атаковать как левой, так и правой рукой, теперь ему не придется больше так суетиться.

Драка длилась около шести минут, и в итоге четыре цирюльника и один ученик уже валялись на полу, а оставшиеся два цирюльника пребывали в полном измождении, тяжело дыша. Однако Чжан Хэн и сам был не в лучшем состоянии, к этому времени у него на теле появилось еще несколько порезов, к счастью, ни один не пришелся на его лицо.

Хотя его физическая сила была превосходной, в конце концов, он уже пережил битву в театре, а затем длительное преследование, отнявшее большое количество сил. Сейчас он уже не мог заботиться о том, чтобы нападать на двух оставшихся цирюльников, а облокотился на стол, чтобы перевести дух.

В этот напряженный момент вдруг неожиданно раздался стук в дверь.

Обе стороны были потрясены им. Взглянув, Чжан Хэн увидел Холмса, стоящего за дверью и жестом показывающего людям, находящимся внутри, помочь ему открыть дверь.

Два цирюльника переглянулись, однако никто из них не двинулся с места.

Холмс за дверью пожал плечами, ему пришлось взять дело в свои руки: он взял свою трость и разбил стекло на двери, а затем просунул правую руку и стал возиться с замком.

Увидев, что ситуация оборачивается не в их пользу, один из цирюльников бросился с бритвой прямо к Холмсу. Последний, однако, не убрал руку, а лишь подождал, пока он окажется почти перед ним, после чего неожиданно выбросил вперед другую руку, зацепив противника за шею ручкой трости, и резко рванул на себя, в результате чего голова цирюльника влетела прямо в дверь.

Затем Холмс легко открыл дверь и вошел. Он одной рукой оперся на трость и обратился к Чжан Хэну и оставшемуся цирюльнику: “Извините, я помешал?”

“Немного. Я думал, вы сидите в карете на полпути в Скотланд-Ярд”, — ответил Чжан Хэн, вытирая пот со лба.

“Ха! Вы хорошо сделали, что оставили меня там, а сами сбежали. К счастью для меня, швейцар театра хорошо знает меня в лицо, а ещё в соседнем ложе оказался заместитель начальника Скотланд-Ярда, который также подтвердил мою личность”, — сказал Холмс. “И вот я здесь, и, кстати, если бы вы задержались в ложе хоть на немного, то услышали бы моё предупреждение, что парень, притворявшийся официантом, был пруссаком, а все пруссаки в Лондоне всегда держатся вместе. Так что вы не случайно попали в эту засаду, и во время преследования вам следовало избегать мест скопления пруссаков”.

Закончив говорить, Холмс огляделся вокруг и увидел лежащих на полу прусских цирюльников, и добавил: “Однако, должен признаться, я весьма удивлен результатом, я знал, что вы умеете драться, но не знал, что до такой степени”.

С этими словами он внезапно взмахнул тростью, которую держал в руке, и ударил ею единственного оставшегося цирюльника, который пытался скрыться, последний, получив удар в поясницу, также распластался на полу.

“Не стоит благодарности”.

“Как ваша шея?” — спросил Чжан Хэн.

“Знавала и лучшие времена ... Я не уверен, но думаю, когда это дело закончится, мне придется пойти в клинику, чтобы проверить ее”. При упоминании о его шее настроение Холмса испортилось, после он спросил, потирая покрасневшее место: “Этот парень всё ещё здесь?”

“Не думаю. Иначе я бы дрался с восемью мужчинами вместо семи”.

Холмс принялся, подошел к двери во внутреннюю комнату и толкнул ее, как и ожидалось окно там было широко распахнуто.

“Ну, на этот раз нам не совсем не повезло, по крайней мере, у нас есть ответ на ваш второй вопрос, заданный ранее”.

“А?”

“Вы задавались вопросом, откуда этот мистер М узнал секрет картины виконта?” - Холмс потёр подбородок. “После этого инцидента я всё больше убеждаюсь, что мистер М действует не в одиночку. Поскольку у него есть люди, выполняющие поручения, естественно, что будут и люди, помогающие ему собирать информацию. Боюсь, на этот раз мы имеем дело не с одним человеком, а с преступной организацией, в которой присутствует чёткое разделение труда. Кто-то отвечает за сбор информации, кто-то — за нападение на цель, а кто-то — за подкуп людей, окружающих цель. А наш мистер М мозг этой организации. Ему нужно только планировать и координировать работу этих людей”.

После чего Холмс спросил, наблюдая, как Чжан Хэн поднимает валявшийся на полу скомканный пиджак смокинга: “Куда вы пойдете?”

“Вернусь в театр и дослушаю оперу”, — ответил Чжан Хэн, надевая пиджак смокинга. “В любом случае, билет был подарком, поэтому было бы невежливо покидать театр до окончания представления”. Дойдя до двери, Чжан Хэн остановился, проговорив: “Не надо благодарить меня за спасение вашей жизни”.

“Я думал, вы уже забыли об этом инциденте”, — сказал Холмс.

“Нелегко забыть ваше красное, как помидор, лицо, когда вас душили”. Чжан Хэн махнул рукой: “Я ухожу и оставляю вас разбираться с этим, я не нанес им смертельных ударов, все они получили лишь поверхностные травмы”.

“Что ж, эта певица действительно прекрасна, надеюсь, вы не будете настолько очарованы ею, чтобы поставить под угрозу наше расследование, мой дорогой восточный друг”, — сказал Холмс с обеспокоенным выражением лица.

Перевод: Флоренс

<http://tl.rulate.ru/book/35928/2299077>